

УДК 1: 113 504

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НАУЧНО-ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДИЯ В. И. ВЕРНАДСКОГО

Масаев М. В.

Крымский университет культуры, искусств и туризма, Симферополь, Украина
E-mail: mikhail-masaev@yandex.ru

Рассматриваются вопросы методологического значения научно-философского наследия академика В. И. Вернадского.

В широком смысле слова методологическое значение имеет всё научно-философское наследие мыслителя как пример подхода к научным исследованиям.

В узком смысле слова методологическое значение научно-философского наследия В. И. Вернадского рассматривается на примере работ «Научная мысль как планетное явление» и «Философские мысли натуралиста».

Ключевые слова: методология, наука, философия, ноосфера, В. И. Вернадский.

О Владимире Ивановиче Вернадском говорят и пишут много. Его вспоминают на всём постсоветском пространстве как человека, стоявшего у истоков советской ядерной энергетики и создания ядерного оборонительного щита, лауреата Сталинской премии (Радиевый институт в России он создал ещё на заре Советской власти, в конце 1921- начале 1922 г.). Его вспоминают в Украине как первого Президента Украинской Академии Наук, избранного единогласно на этот пост 27 ноября 1918 г. при правлении на Украине гетмана Павла Скоропадского. Его вспоминают в деревне Вернадовка бывшего Моршанского уезда бывшей Тамбовской губернии бывшей Российской империи (ныне деревня Вернадовка Пичаевского района Тамбовской области Российской Федерации) как доброго барина. О нём, правда, забыли как об одном из четырёх выборных членах Временного комитета Государственной Думы Российской империи, подписавших в феврале 1917 г. телеграмму в Ставку Верховного главнокомандующего, где сообщалось о событиях в Петрограде и предлагалось царю отречься от престола; забыли о нём как о товарище (заместителе) министра просвещения во Временном правительстве России 1917 г. Но последнее не столь существенно. Тем более, что это не наука. Это – политика.

Как об учёном о В. И. Вернадском говорят и пишут много.

Но что странно. При всех дифирамбах в адрес В. И. Вернадского мир не живёт по В. И. Вернадскому.

Второй раз подряд метеориты падают в районе Челябинска. В феврале 2013 г. были зафиксированы сотни людей, обратившихся за медицинской помощью. Но самые большие загрязнители атмосферы: капиталистические Соединённые Штаты и коммунистический Китай – продолжают не признавать самые робкие решения мировой общественности, имеющие даже кое-какую юридическую силу. Они самые сильные – и им всё равно, что думают другие. А то, что метеориты в озоновых дырах не сгорают, а падают на землю, их не волнует. Падают же не на Китай и не на США, а на правопреемницу «империи зла» Россию. США и Китай успешно

развивают экономику и не тратятся на защиту окружающей среды – это же не выгодно.

Поэтому призыв не только к учёным, а ко всем – жить по В. И. Вернадскому – становится всё более и более актуальным, что влечёт за собой и **актуальность** нашей статьи.

Не менее **актуальным** является и призыв пользоваться идеями В. И. Вернадского в построении методологии научных исследований. Постсоветское пространство живёт пережитками семидесяти лет Советской власти, когда единственной научной методологией признавался марксизм-ленинизм. Эта методология остаётся единственной, пожалуй, только в полуторамиллиардном успешно развивающемся Китае. В других странах от марксизма-ленинизма отказались. В Украине, ещё не до конца пережившей ужас марксизма-ленинизма, наличие официальной государственной идеологии конституционно запрещено (ст. 15 Конституции Украины) [8, с. 10].

Логично было бы предположить, что и в науке должен победить плюрализм. Но наука весьма консервативна. Хотя и нет марксизма-ленинизма, но есть какая-то гипотетическая, какая, не знает толком никто, но она есть, эта научная методология и ей нужно следовать, а кто не следует, тому – анафема, право на которую имеют любые начальствующие лица на соответствующих уровнях.

Поэтому приходится уже третий раз подчеркнуть **актуальность** поиска подлинно научной методологии у В. И. Вернадского.

В этом – **новизна** исследования, поскольку ни в советское время (тогда это было вообще невозможно), ни в постсоветское время методологический аспект творческого наследия В. И. Вернадского в фокус разговоров о В. И. Вернадском так и не попал.

Объект исследования – научно-философское наследие В. И. Вернадского.

Предмет исследования – методологический аспект научно-философского наследия В. И. Вернадского.

Следует сделать только оговорку, что методологическое значение имеет всё научно-философское наследие В. И. Вернадского. Но это в широком смысле слова, как пример подхода к науке. Хотя есть у В. И. Вернадского произведения, где методологический аспект звучит в прямой постановке.

В качестве методологического ориентира к вышедшей в 2011 году нашей монографии «Curriculum vitae парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций» [1], мы выбрали тезис В. И. Вернадского о том, что «мы должны считаться с существованием множества более или менее независимых, разнообразных, сходных и несходных, противоречащих философских систем и концепций, огромная часть которых не имеет последователей, но всё же ещё может влиять на жизнь...» [2, с. 108]. В. И. Вернадский считал это влияние возможным даже если среди этих концепций будут философские системы «резко противоречащие, исключают друг друга»..., «положительные и отрицательные, оптимистические и пессимистические, мистические, рационалистические и «научные» [2, с. 108].

И это не случайно. Центральная тема философских размышлений В. И. Вернадского – о взаимосвязи философии и науки – встраивается в понимание учёным научного мировоззрения, его структуры и содержания.

В работе «О научном мировоззрении», впервые опубликованной в журнале «Вопросы философии и психологии» в 1902 году, В. И. Вернадский поставил своей целью ответить на следующие вопросы: «Что такое «научное мировоззрение»? Есть ли это нечто точное, ясное и неизменное, или медленно или быстро меняющееся в течение долгого, векового развития человеческого сознания? Какие явления и какие процессы научной мысли оно охватывает?» [3, с. 195]. В. И. Вернадский предложил здесь достаточно ёмкое, хотя, разумеется, и не исчерпывающее определение: «Именем научного мировоззрения мы называем представление о явлениях, доступных научному изучению, которое даётся наукой; под этим именем мы подразумеваем определённое отношение к окружающему нас миру явлений, при котором каждое явление входит в рамки научного изучения и находит объяснение, не противоречащее основным принципам научного искания» [3, с. 202]. В. И. Вернадский обращает особое внимание на то, что нельзя отождествлять всю совокупность знаний, накопленных в ходе истории науки, с научным мировоззрением. К последнему принадлежат только такого рода проблемы, которые влияли на постепенный рост и на «выяснение» научного мировоззрения. Все другие открытия, обобщения, не отразившиеся на процессе выработки научного мировоззрения, имеют значение только в истории развития отдельных научных дисциплин. Далеко не всякие процессы развития научных идей должны подлежать изучению для выяснения развития научного мировоззрения, но «само научное мировоззрение не есть что-нибудь законченное, ясное, готовое; оно достигалось человеком постепенно, долгим и трудным путём. В разные исторические эпохи оно было различно. Изучая прошлое человечества, мы всюду видим начала или отдельные части нашего современного мировоззрения в чуждой нам обстановке и в чуждой нашему сознанию связи, в концепциях и построениях давно прошедших времён. В течение хода веков можно проследить, как чуждое нам мировоззрение прошлых поколений постоянно менялось и приобретало современный вид. Но в течение всей этой вековой, долгой эволюции мировоззрение оставалось научным» [3, с. 197]. Таким образом, научное мировоззрение меняется в разные эпохи, у разных народов.

В. И. Вернадский критикует распространённые среди его современников взгляды, отождествляющие научное мировоззрение с научной истиной. Взгляды эти имеют распространение до настоящего времени. По убеждению В. И. Вернадского, неизменная научная истина составляет тот далёкий идеал, к которому стремится наука и над которым постоянно работают учёные, и только некоторые, небольшие части научного мировоззрения неопровержимо доказаны или вполне соответствуют действительности, к тому же и их объяснение, их связь с другими явлениями природы, их значения представляются по-разному в различные эпохи. «Научное мировоззрение не даёт нам картины мира в его действительном состоянии. Оно не выражается только в непреложных «законах Природы», оно не заключается целиком в точно определённых фактах или констатированных явлениях» [3, с. 197]. В. И. Вернадский иллюстрирует свой вывод на знании о вращении Земли вокруг Солнца. В настоящее время этот факт и бесконечное множество его следствий можно проверять различным образом и везде «находить полное соответствие с действительностью». Это научно установленное явление кладётся в основу нашего мировоззрения и отвечает научной истине. «А между тем, до начала XVII столетия

и даже до начала XVIII, до работ Коперника, Кеплера, Ньютона, могли держаться другие представления, которые входили в состав научного мировоззрения. Они были также научны, но не отвечали формальной действительности; они могли существовать только постольку, только до тех пор, пока логически выведенные из них следствия точно совпадали с известной тогда областью явлений» [3, с. 198]. Как полагает В. И. Вернадский, было бы крупной ошибкой считать борьбу копернико-ньютоновской системы с птолемеевой борьбой двух мировоззрений, научного и чуждого науке, это внутренняя борьба между представителями научного мировоззрения. «Научное мировоззрение не является синонимом истины точно так, как не являются ею религиозные или философские системы. Все они представляют лишь подходы к ней, различные проявления человеческого духа. Признаки научного мировоззрения совсем другие. И эти признаки таковы, что птолемеево представление о Вселенной входило, по справедливости, в состав научного мировоззрения известной эпохи, и что в настоящее время в нашем научном мировоззрении есть части, столь же мало отвечающие действительности... И эти по существу неверные звенья нашего научного мировоззрения входили в него до тех пор, пока не была доказана их невозможность» [3, с. 201-202].

Неприемлемым для В. И. Вернадского является и наблюдаемый среди учёных дуалистический взгляд на научное мировоззрение. «Под именем дуалистического научного мировоззрения, – говорил Владимир Иванович, – я подразумеваю тот своеобразный дуализм... когда учёный-исследователь противопоставляет себя – сознательно или бессознательно – исследуемому им миру. Исходя из чисто объективного отношения к отдельным частным вопросам научного исследования, работая в этих случаях в определённых рамках, он переносит ту же привычную точку зрения и на всю совокупность знания – на весь мир. Получается фантазия строгого наблюдения учёным-исследователем совершающихся вне его процессов природы как целого» [3, с. 148]. Очевидно, что при таком дуалистическом подходе игнорируется, что человек сам есть часть природы, часть мира в целом.

В. И. Вернадский рассматривает научное мировоззрение в неразрывной связи с понятием «картина мира». Из картины мира в научное мировоззрение входит не любое описание факта, явления, а лишь то, что связано с самыми общими воззрениями на мир, с выраженным в той или иной степени отношением человека к картине мира в целом или отдельным её частям. «Отдельные частные явления соединяются вместе как части одного целого, и в конце концов получается одна картина Вселенной, Космоса, в которую входят и движения небесных светил, и строение мельчайших организмов, превращения человеческих обществ, исторические явления, логические законы мышления или бесконечные законы формы и числа, даваемые математикой. Из бесчисленного множества относящихся сюда фактов и явлений научное мировоззрение обуславливается только немногими основными чертами Космоса. В него входят также теории и явления, вызванные борьбой или воздействием других мировоззрений, одновременно живых в человечестве. Наконец, безусловно, всегда оно проникнуто сознательным волевым стремлением человеческой личности расширить пределы знания, охватить мыслью всё окружающее» [3, с. 202]. В становлении научной картины мира, как и научного мировоззрения, участвуют все науки, «будут ли то науки исторические, естественно-исторические или социальные, или науки абстрактные, опытные,

наблюдательные или описательные». Все они приводят к одному научному мировоззрению, подчёркивая и развивая некоторые его части.

Непременным атрибутом научного мировоззрения выступают методы научного познания. «Совершенно так же, как искусство немисливо без какой-нибудь определённой формы выражения, будь то звуковые элементы гармонии или законы, связанные с красками, или метрическая форма стиха; как религия не существует без общего в теории многим людям и поколениям культа и без той или иной формы выражения мистического настроения; как нет общественной жизни без групп людей, связанных между собой в повседневной жизни в строго отграниченные от других таких же групп формы, рассчитанные на поколения; как нет философии без рационалистического самоуглубления в человеческую природу или в мышление, без логически обоснованного языка и без положительного или отрицательного введения в мирозерцание мистического элемента, так нет науки без научного метода. Этот научный метод не всегда есть орудие, которым строится научное мировоззрение, но это есть всегда то орудие, которым оно проверяется» [3, с. 203]. Научным методом проверяется правильность включения научных фактов, обобщений в ту или иную науку, а также в научное мировоззрение в целом. «Некоторые части даже современного научного мировоззрения были достигнуты не путём научного искания или научной мысли – они вошли в науку извне: из религиозных идей, из философии, из общественной жизни, из искусства. Но они удержались в ней только потому, что выдержали пробу научного метода» [3, с. 203]. В научном методе выражено научное отношение ко всему тому, что входит в поле исследования. «Наиболее характерной стороной научной работы и научного искания является отношение человека к вопросу, подлежащему изучению. В этом не может быть различия между научными работниками, и всё, что попадает в научное мировоззрение, так или иначе проходит через горнило научного отношения к предмету; оно удерживается в нём только до тех пор, пока оно его выдерживает» [3, с. 206]. Путём применения научного метода наука постепенно уясняет факты, строит и расширяет научное мировоззрение. При этом само собой разумеется, что нельзя абсолютизировать значение научного метода. Это становится очевидным по мере усложнения характера научного мировоззрения. «Вглядываясь и вдумываясь в ту сложную мозаику, какую представляет научное мировоззрение нашего времени, трудно решить, что из него должно быть поставлено в счёт чуждым научной мысли областям человеческой личности и что является чистым плодом научного мышления» [2, с. 416].

По В. И. Вернадскому, сложность выделения чисто научного мировоззрения объясняется тем, что оно развивается в тесном общении и широком взаимодействии с другими сторонами духовной жизни человечества. «Если мы хотим понять рост и развитие науки, мы неизбежно должны принять во внимание и все эти другие проявления духовной жизни человечества. Уничтожение или прекращение одной какой-либо деятельности человеческого сознания сказывается угнетающим образом на другой. Прекращение деятельности человека в области ли искусства, религии, философии или общественной жизни не может не отразиться болезненным, может быть, подавляющим образом на науке. В общем, мы не знаем науки, а, следовательно, и научного мирознания, вне одновременного существования других сфер человеческой деятельности; и поскольку мы можем судить из

наблюдения над развитием и ростом науки, все эти стороны человеческой души необходимы для её развития, являются той питательной средой, откуда она черпает жизненные силы, той атмосферой, в которой идёт научная деятельность» [3, с. 209].

В. И. Вернадский с сожалением констатирует, что в эпоху исключительного расцвета научного мышления эта тесная и глубокая связь научного мировоззрения с другими направлениями духовной жизни человечества нередко забывается, очень многие заявляют, что научное мировоззрение может заменить собою религиозное, философское мировоззрение, многие считают, что роль философского мировоззрения для человечества себя исчерпала и в будущем философия должна быть заменена наукой. «Но такое мнение само представляет не что иное, как отголосок одной из философских схем, и едва ли может выдержать пробу научной проверки. Никогда не наблюдали мы до сих пор в истории человечества науки без философии и, изучая историю научного мышления, мы видим, что философские концепции и философские идеи входят как необходимый, всепроникающий в науку элемент во всё время её существования. Только в абстракции и в воображении, не отвечающем действительности, наука и научное мировоззрение могут довольствоваться сами по себе, развиваться помимо участия идей и понятий, разлитых в духовной среде, созданной иным путём. Говорить о необходимости исчезновения одной из сторон человеческой личности, о замене философии наукой, или наоборот, можно только в ненаучной абстракции» [3, с. 210].

Проникновенно звучат глубоко современные слова В. И. Вернадского об уникальности философского мировоззрения, которое нельзя ни отменить, ни заменить, не нанеся непоправимого ущерба духовной жизни человека. «Великие создания философского мышления никогда не теряют своего значения. Рост философской мысли, исходя из положений старых систем и развивая их, в то же время как бы раскрывает в них новые и глубокие стороны, новые проявления бесконечного. Со времён Декарта создалась новая философия; она развивалась и углубляла человеческую мысль в течение последних трёх столетий необыкновенно быстро и разнообразно. И всё же старые философские системы – системы Платона, Аристотеля или Плотина... системы, не имеющие прямых сторонников и которые в силу многих своих точек зрения – научных, религиозных или философских – являются явно ошибочными, неверными, младенческими, в конце концов открывают человечеству при дальнейшем изучении их всё новые и новые явления и идеи. Они также бесконечны, и их понимание так же безгранично, как бесконечно всё, к чему прикасается человеческий дух. И теперь можно вдумываться в эти системы и читать произведения древних философов, находя в них новые черты, находя в них такие отпечатки истины, такие отражения бесконечного бытия, которые нигде, кроме них, не могут быть найдены» [3, с. 215].

В. И. Вернадский акцентирует внимание на взаимосвязи философии и естественнонаучного знания, в том числе в области их преподавания. В наброске речи на первом заседании кружка по философии естествознания при Историко-филологическом студенческом обществе в Московском университете (1902 год) В. И. Вернадский отмечал, что, к сожалению, рамки академического преподавания в России отделяют почти непреодолимой стеной лиц, изучающих естественные и математические науки, от тех, которые изучают исторические, филологические, философские научные дисциплины. «А между тем, историко-филологический и

физико-математический факультеты являются лишь двумя отделениями одного искони бывшего в университетах артистического, или философского, факультета в том прообразе, из которого изошли наши русские университеты. В университетах Германии такое старинное деление сохранилось до сих пор почти везде без нарушений. Мы видим его и в других университетах Запада и Нового Света. Там нет резкой разницы между этими областями наук» [2, с. 389].

По убеждению В. И. Вернадского, в течение вековой истории естествознания и физико-математических наук натуралист постоянно в этих двух направлениях сталкивался и сталкивается с философией. Область научного знания постоянно расширяется, возникают всё новые проблемы, что создаёт «обильную и разнообразную почву для глубокого и полного соприкосновения» с философией, требует её изучения. «В истории научного и философского мирозерцания мы, таким образом, постоянно видим взаимный обмен работы мысли, взаимное влияние двух сторон человеческого сознания. И, в частности – наука и естествознание вне философии и вне влияния метафизических систем и всякого к ним отношения – существовали и существуют только в человеческой фантазии. Как исторический факт человеческого сознания они всегда – в своих основах – находятся в тесном общении с философией» [2, с. 392].

При этом В. И. Вернадский предупреждал, что изучение философии не может сводиться к ознакомлению только с отдельными, почему бы то ни было выбранными философскими системами, такое положение лишь случайно может привести к правильному выводу, а чаще ведёт к догматизму, самопроизвольному самоограничению в научном творчестве.

В современной Украине и России, ушедших от господства «единственно верной» философии, по-настоящему актуальным является тезис В. И. Вернадского о том, что ни одно философское учение не может быть признано единственно истинным. «Как религий, так и философий, поэтических и художественных выражений, здравых смыслов, традиций, этических норм очень много, может быть в пределе столько же (учитывая оттенки), сколько и отдельных личностей, а беря общее – сколько их типов. Но наука одна и едина, ибо, хотя количество наук постоянно растёт, создаются новые, – они все связаны в единое научное построение и не могут логически противоречить одна другой» [2, с. 100].

Но, в отличие от общеобязательных научных истин, представления о реальности в различных философских концепциях отличаются большим разнообразием, достоверность не всегда может быть оспариваема. «Положение философии в структуре человеческой культуры очень своеобразно. Она связана с религиозной, социально-политической, личной и научной жизнью неразрывно и многообразно. Она занимает меняющееся положение по отношению к религии, и существует огромный диапазон, всё растущий, её пониманий и представлений. Огромное число относящихся к ней или могущих относиться к ней проблем, постоянно растущих, непрерывный переход от неё ко всем вопросам обыденной и государственной жизни, здравого смысла и морали дают возможность принимать участие в её работе всякому мыслящему и задумывающемуся над происходящим человеку» [2, с. 105].

Попытки создания единой, обязательной для всех официальной философии в социалистическом государстве, как считал В. И. Вернадский, обречены. Наличие

«многих философий» не может служить основой для негативной оценки философии. «Сила философии в её разнородности и в большом диапазоне этой разнородности. С ходом времени, благодаря усложнению и углублению жизни, благодаря росту научного знания, появлению новых наук и огромному значению новых научных проблем и открытий разнообразие философских представлений в наше время растёт в такой степени, в какой этого никогда не было» [2, с. 109]. Весь XX век и начало XXI века подтверждают правоту этих слов.

В. И. Вернадский считал, что граница между философией и наукой – по объектам их исследования – исчезает, когда речь идёт об общих проблемах естествознания. «Философский анализ отвлечённых понятий, во множестве зарождающихся в новой науке, в её новых проблемах и научных дисциплинах, необходим для научного охвата новых областей. Учёный, как общее правило, не может идти здесь – благодаря необходимости овладевать техникой философского анализа, требующей долголетней подготовки – так глубоко, как философ.... В областях, только что наукой захватываемых... мы встречаемся с уже готовыми представлениями, выработанными или высказанными философами раньше охвата их наукой, с которыми приходится считаться» [2, с. 110]. Частью эти представления могут не соответствовать действительности, однако частью они в известной мере подходят к объяснению реальности, которое даёт новое научное знание. В. И. Вернадский признаёт, что философ может делать такие глубокие выводы, которые и учёному открывают новое в изучаемом явлении и которые он не может не учитывать. «Ибо кроме природного дара отдельных личностей, философский анализ требует выучки, сложился тысячелетиями. Он требует эрудиции и трудного размышления, требует всей жизни. Особенно в широких и всеобъемлющих естественных телах, например, в понятиях реальности, космоса, времени, пространства, разума человека и т. п., учёный, вообще говоря, не может идти так глубоко, и вместе с тем, так отчётливо, как может философ. На это у него, вообще говоря, не хватает времени и сил» [2, с. 159]. Учёный должен быть в курсе новых философских работ и их использовать, но ему следует учитывать неизбежную неполноту и недостаточную точность философских определений. Он всегда должен вносить в выводы философа дополнения, учитывая отличие реальности, им изучаемой, от философских понятий и идей.

В. И. Вернадский видит значение философии для натуралистов и в том, что она способствует убеждению учёных, что знания должны быть направлены на пользу человечества. Мыслитель считал, что философия способствует воспитанию высоких гуманитарных чувств, уважения к человеческой личности. «Мы часто говорим о значении успехов техники, об увеличении утилизации сил природы, об улучшении жизни человечества, но мы, кажется мне, недостаточно сознаём, – писал В. И. Вернадский, – что в основе этих успехов лежит сознательная деятельность, лежат идеалы и понимание тех лиц, работой мысли которых достигаются эти результаты. С самого начала своего развития научное мировоззрение всюду и на каждом шагу проводило эти гуманитарные взгляды, уважение к человеческой личности. Чувство взаимной солидарности и тесной связи всех людей. В этом оно шло в тесной связи с философией и некоторыми религиозными учениями» [2, с. 392-393].

В. И. Вернадского волнует вопрос о социальной ответственности учёного, которая обусловлена тем, что перед исследователем невольно встают проблемы будущего в виде вопросов о том, что дадут его новые научные открытия, разработки. «К чему они приведут, какие будут иметь последствия? Как улучшат жизнь и какие силы дадут в руки человечеству? И такие вопросы – не праздные вопросы; они придают бодрость духа и повышают личное самосознание в тяжёлые эпохи общественной жизни и в долгие трудные годы неудач и разочарований. Они же могут служить и направлением деятельности» [2, с. 393]. В осознании нравственной ответственности учёного важнейшую роль играет становление у него философского мировоззрения. «Каковы могут быть результаты нашей деятельности? Куда должны быть направлены усилия нашей воли и нашей мысли для достижения более широких и крупных результатов в связи со все той же гуманитарной задачей научного знания, с работой на пользу человечества, с подъёмом человеческой личности? Какие средства дадутся на борьбу со злом? Не могут ли быть использованы силы, открытые наукой, на злое и вредное? Здесь перед нами в разных формах, не совсем, может быть, обычных, – встают вопросы добра и зла, блага и вреда – вопросы этические и общественно-этические. Это вечные вопросы философии. По существу, сознательно они не могут решаться одной наукой, тем менее естествознанием. И невольно натуралист сталкивается с этими философскими вопросами» [2, с. 394]. Получение ответа на поставленные вопросы не может быть взято готовым, оно, как подчёркивает В. И. Вернадский, требует работы мысли, сознательной выработки мировоззренческих установок, основы которых в значительной степени могут быть почерпнуты из философских учений. «Конечно, не всегда для натуралиста стоят философские вопросы и не всё время над ними может и должна работать его мысль – но они должны входить в его образование, он должен иметь известное их понимание и в своей жизни, рано ли, поздно ли, всегда должен подойти к отдельным вопросам в этой области. Для этого он должен иметь известное систематическое и не одностороннее представление и о философии, и о соприкосновенных с ней научных дисциплинах – логике, метафизике и истории философии» [2, с. 394]. При этом необходимы уважение ко всяким мнениям, самое широкое знакомство с разнообразными и противоречащими философскими учениями, к каким бы направлениям они не относились. «Учёные не должны закрывать глаза на возможные последствия их научной работы, научного прогресса. Они должны себя чувствовать ответственными за все последствия их открытий. Они должны связать свою работу с лучшей организацией всего человечества» [2, с. 395].

Путь решения проблемы социально-нравственной ответственности учёных В. И. Вернадский видел в объединении учёных всего мира в целях создания ноосферы. Мыслитель убеждён, что раз возникшее в учёной среде и не нашедшее удовлетворения чувство нравственной ответственности за происходящее и убеждённость учёных в своих реальных возможностях для действия в целях «создания и осуществления ноосферы» не могут исчезнуть с исторической арены без попыток своего осуществления. «Вопрос о моральной стороне науки – независимо от религиозного, государственного или философского проявления морали – для учёного становится на очередь дня. Он становится действенной силой, и с ним придётся всё больше считаться» [2, с. 96]. Нравственная ответственность

учёных непрерывно растёт. «Она связана с глубочайшими проявлениями личности учёного, с основными побуждениями её к научной работе. Эти побуждения свободной, научно осознающей окружающее человеческой личности глубже каких бы то ни было форм государственного строя, которые подвергаются критической проверке научной мыслью в наблюдении хода исторических явлений» [2, с. 97].

Наряду с учением о ноосфере крупным вкладом В. И. Вернадского в науку является его учение о биосфере как сфере существования всего живого на Земле. Термин «биосфера» (область жизни) и «её приближённый синоним», по словам В. И. Вернадского, – «Лик Земли» – введены в биологию Ж.-Б. Ламарком (1744-1829), а в геологию в конце XIX века Э. Зюссом (1831-1914), но в ходе дальнейших исследований эти понятия были значительно изменены. В современном виде, в представлении В. И. Вернадского, они определяют основную черту поверхности нашей планеты – существование исключительно на Земле живого вещества. «Лик Земли» – картина Земли, если смотреть на неё из просторов Космоса. Э. Зюсс и его современники могли смотреть на проявление жизни и на Лик Земли, как на независимые друг от друга явления. Для В. И. Вернадского они взаимосвязаны и взаимозависимы. В. И. Вернадский отграничивает своё понимание биосферы как от вненаучных её истолкований (обыденных, религиозных), так и от философской интерпретации, которых роднит то, что они исходят из понимания жизни. В. И. Вернадский как представитель положительной науки заявляет, что с точки зрения науки надо подходить к природным явлениям не как к явлениям жизни, а как к явлениям живых природных тел, живого вещества. В. И. Вернадский предупреждает, что, во избежание всяких недоразумений, он при обсуждении вопросов биосферы будет избегать понятий «жизнь», «живое», так как если бы он исходил из них, он неизбежно вышел бы за пределы изучаемых в науке явлений. «Я буду поэтому, – пишет он, – избегать понятий «жизнь» и «живое», ограничивая область, подлежащую нашему изучению, понятиями «живого природного тела» и «живого вещества», каждый живой организм в биосфере – природный объект – есть живое природное тело. Живое вещество биосферы есть совокупность живых организмов, в ней живущих» [2, с. 22].

Согласно учению В. И. Вернадского, биосфера представляет собой целостную систему, обладающую высокой степенью самоорганизации и способностью к эволюции. «Живое вещество, так же как и биосфера, обладает своей особой организованностью и может быть рассматриваемо как закономерно выражаемая функция биосферы» [2, с. 22]. При этом В. И. Вернадский предупреждает о невозможности рассматривать организованность биосферы с позиций механицизма. «Организованность резко отличается от механизма тем, что она находится непрерывно в становлении, в движении всех её самых мельчайших материальных и энергетических частиц. В ходе времени... мы можем выразить организованность так, что никогда ни одна из её точек (материальная или энергетическая) не возвращается закономерно, не попадает в то же место, в ту же точку биосферы, в какой когда-нибудь была раньше» [2, с. 22].

По В. И. Вернадскому, живое вещество является пластичным, изменяется, приспособляется к изменениям среды, растёт мощность выявления живого вещества в биосфере. «В последние тысячелетия наблюдается интенсивный рост влияния одного видového живого вещества – цивилизованного человечества – на

изменение биосферы. Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние – в ноосферу» [2, с. 27]. Термин «ноосфера» впервые использовали Э. Леруа (1870-1954) и П. Тейяр де Шарден (1881-1955). Отличие учения В. И. Вернадского о ноосфере в том, что здесь ноосфера – это состояние биосферы, возникшее на определённой ступени её развития. При этом одной из ключевых идей, лежащих в основе учения В. И. Вернадского о ноосфере, является то, что человек не является самодостаточным живым существом, живущим отдельно по своим законам, он существует внутри природы и является частью её. Это единство обусловлено функциональной неразрывностью окружающей среды и человека, которую пытается показать В. И. Вернадский как биогеохимик. Но не только природа оказывает воздействие на человека, существует и обратная связь. И связь эта не поверхностная, отражающая физическое воздействие человека на окружающую среду, а гораздо глубже. Учёный связывает это с тем, что в последнее время, по его мнению, заметно активизировались планетарные геологические силы. «Мы всё больше и ярче видим в действии окружающие нас геологические силы. Это совпало, едва ли случайно, с проникновением в научное сознание убеждения о геологическом значении *Homo sapiens*, с выявлением нового состояния биосферы – ноосферы – и является одной из форм её выражения. Оно связано, конечно, прежде всего, с уточнением естественной научной работы и мысли в пределах биосферы, где живое вещество играет основную роль» [2, с. 26]. Интересно, что, по мнению В. И. Вернадского, перестройка биосферы научной человеческой мыслью посредством организованного труда вряд ли является случайным явлением, зависящим от воли человека. Корни этого лежат в самой природе и были заложены миллионы лет назад в ходе естественного процесса эволюции. Человек являет собой неизбежный феномен большого природного процесса, закономерно длящегося в течение, по крайней мере, двух миллиардов лет. Поэтому, заключает В. И. Вернадский, высказывания о самоистреблении человечества, о крушении цивилизации не имеют под собой веских оснований. Было бы по меньшей мере странно, если бы научная мысль – порождение естественного геологического процесса – противоречила бы самому процессу. Человечество едино, и это единство проявляется формами жизни, которые фактически его углубляют и укрепляют независимо от человека, в результате бессознательного к нему устремления. Заселяя все уголки нашей планеты, опираясь на государственно организованную научную мысль и на её порождение, технику, человек создал в биосфере новую биогенную силу, поддерживающую размножение и дальнейшее заселение различных частей биосферы. «Этот процесс – полного заселения биосферы человеком – обусловлен ходом истории научной мысли, неразрывно связан со скоростью сношений, с успехами техники передвижения, с возможностью мгновенной передачи мысли, её одновременного обсуждения всюду на планете» [2, с. 34]. При этом «человек впервые реально понял, что он житель планеты и может и должен мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государств или их союзов, но и в планетном аспекте. Он, как и всё живое, может мыслить и действовать в планетном аспекте только в области жизни – в биосфере, в определённой земной оболочке, с которой он неразрывно, закономерно связан и уйти из которой не может. Его существование есть её функция. Он несёт её с собой всюду, и неизбежно, закономерно, непрерывно её изменяет» [2, с. 35].

«Научная мысль и та же научная методика, единые для всех, сейчас охватили всё человечество, распространились по всей биосфере, превращают её в ноосферу» [2, с. 88]. Сведя воедино «научно-эмпирические обобщения» по проблемам ноосферы, В. И. Вернадский приходит к следующим выводам: «1. Человек, как он наблюдается в природе, как и все живые организмы, как всякое живое вещество, есть определённая функция биосферы, в определённом её пространстве-времени. 2. Человек во всех его проявлениях составляет определённую закономерную часть строения биосферы. 3. «Взрыв» научной мысли в XX столетии подготовлен всем прошлым биосферы и имеет глубочайшие корни в её строении. Ноосфера – это биосфера, переработанная научной мыслью... не есть кратковременное и преходящее геологическое явление... цивилизация «культурного человечества» – поскольку она является формой организации новой геологической силы, создавшейся в биосфере, – не может прерваться и уничтожиться, так как это есть большое природное явление, отвечающее исторически, вернее, геологически сложившейся организованности биосферы. Образуя ноосферу, она всеми корнями связывается с этой земной оболочкой, чего раньше в истории человечества в сколько-нибудь сравнимой мере не было» [2, с. 46].

С точки зрения ноосферного подхода по-иному видятся и современные особенности, и проблемы развития мировой цивилизации. Варварское отношение к биосфере, угроза мировой экологической катастрофы, производство оружия массового уничтожения – всё это должно иметь преходящее значение. Вопрос о коренном повороте к истокам жизни, к организованности биосферы в современных условиях должен звучать как призыв к тому, чтобы мыслить и действовать в целях углубления единства биосферы и человечества.

Одна из актуальных проблем философии науки XXI века – коэволюция, один из двух сценариев развития ноосферных процессов. Согласно одному из них, это апокалипсис, вызванный негативными последствиями влияния разума человека на природу и самого себя, согласно другому, возможность обеспечения коэволюции как нового этапа согласованного сосуществования природы и человека. Современный синергетический подход, лежащий в основе одной из новых парадигм научного познания, в области интерпретации ноосферы также сопряжен с концепцией коэволюции, которая даёт импульс движению к ноосфере, поскольку экологический императив не может не породить императив нравственно-этический.

Понимание В. И. Вернадским ноосферы удачно вписывается в контекст принципа универсального эволюционизма как основы современной научной картины мира, объединяющего в единое целое идеи системного и эволюционного подходов.

Судьбы великих научных идей, глубоких философских размышлений характерны тем, что осознание их величины со временем возрастает. Это в полной мере относится и к научно-философскому наследию В. И. Вернадского.

Не случайно внимание к творчеству Владимира Ивановича растёт за рубежом. Его труды переводятся на иностранные языки: в Париже и Нью-Йорке [4]., в Риме [5]., в итальянском курортном городке Комо [6]., а также в Москве, где блестящий перевод на английский язык «Научной мысли как планетного явления» сделал известный российский философ Борис Старостин, а неправительственный

экологический фонд В. И. Вернадского издал этот перевод для огромной англоязычной научной аудитории [7].

Но научно-философское наследие В. И. Вернадского ценно не только пониманием проблем современного мира, соотношения науки и философии, но и его методологическими ориентирами, без чего понять такой сложный современный мир со всей его биосферой и ноосферой не представляется возможным.

Таким образом, можно прийти к следующему выводу – научно-философское наследие В. И. Вернадского не только способствует объяснению картины современного мира, но и даёт методологию его познания, помогает учёным выбрать правильный методологический ориентир в своих исследованиях.

Список литературы

1. Масаев М. В. Curriculum vitae парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций. Монография / М. В. Масаев. – Симферополь: ДОЛЯ, 2011. – 512 с.
2. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1988. – 519 с.
3. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1991. – 270 с.
4. Vernadskiy V. I. La Biosphere / V. I. Vernadskiy. – Paris, New York: Diderot Editeur, 1997. – 284 p.
5. Vernadskiy V. I. Pensieri filosofici di un naturalista / V. I. Vernadskiy. – Roma: Teknos Edizioni, 1995. – 230 p.
6. Vernadskiy V. I. La Biosfera / V. I. Vernadskiy. – Como, Italia: Red Edizioni, 1993. – 128 p.
7. Vernadskiy V. I. Scientific Thought as a Planetary Phenomenon / V. I. Vernadskiy. – Translated from Russian by B. A. Starostin. – М. : Nongovernmental Ecological V. I. Vernadskiy Foundation, 1997. – 265 p.
8. Конституція України. Прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 року. Из змінами, внесеними Законом України від 8 грудня 2004 року № 2222-IV. – К. : Міністерство юстиції України, 2006. – 126 с.

Масаев М. В. Методологічне значення науково-філософської спадщини В. І. Вернадського / М. В. Масаев // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. – 2013. – Т. 24 (65), – № 3. – С.203-215.

Розглядаються питання методологічного значення науково-філософської спадщини академіка В. І. Вернадського. В широкому сенсі слова методологічне значення має вся науково-філософська спадщина мислителя як приклад підходу до наукових досліджень.

В узькому сенсі слова методологічне значення науково-філософської спадщини В. І. Вернадського розглядається на прикладі праць «Наукова думка як планетарне явище» і «Філософські думки натураліста».

Ключові слова: методологія, наука, філософія, ноосфера, В. І. Вернадський.

Masayev M. V. Methodological significance of scientific and philosophical heritage of V. I. Vernadskiy / M. V. Masayev // Scientific Notes of Taurida National V. I. Vernadsky University. – Series : Philosophy. Culturology. Political Science. Sociology. – 2013. – Vol. 24 (65), – No 3. – P. 203-215.

The questions of methodological significance of scientific and philosophical heritage of academician V. I. Vernadskiy are considered.

In the broad sense methodological significance has all scientific and philosophical heritage of thinker as an example of approach to scientific investigations.

In the narrow sense methodological significance of scientific and philosophical heritage of V. I. Vernadskiy are considered on the example such works as “Scientific Thought as a Planetary Phenomenon” and “Philosophical Thoughts of Naturalist”.

Key words: methodology, science, philosophy, noosphere, V. I. Vernadskiy.